

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

БИОСОЦИОЛОГИЯ*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

Биосоциология — формирующаяся научная концепция междисциплинарного характера и практика исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящие из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей). Важная задача биосоциологии — выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений. По своей прогностической направленности биосоциология может рассматриваться в одном ряду с биоэтикой, ее развитие тесно связано с институционализацией гуманитарной экспертизы как способа сознательной регуляции изменений в человеке и обществе в условиях, когда технологически становится возможным в массовых масштабах осуществлять инновации, касаю-

щиеся самой природы человеческого и социального.

Эта концепция опирается на давнюю традицию философского осмысления и исследований в рамках естественных и социально-гуманитарных наук рассматривать социальные формы как прямое следствие биологических механизмов адаптации к окружающей среде. В XIX в. бурное развитие биологии и выдвижение эволюционной теории происхождения человека (Ч. Дарвин), первые серьезные опыты в области экспериментальной психологии (В. Вундт), формирование марксистской и позитивистской социологии, ориентированных на макросоциальные структуры, институты и процессы (К. Маркс, Ф. Энгельс и др. — с одной стороны, О. Конт, А. Кетле, Г. Спенсер, Н. Я Данилевский и др. — с другой), создавали условия для рождения теорий скорее синкретичных (в силу незавершенного разделения наук по объекту, предмету и методу), нежели синтетичных, авторы которых сосредоточились на проявлении в человеческих формах организации и само-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 11-06-00483-а.

** Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе — директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук РС Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Тел.: (495) 374-70-20. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

организации приспособительных и ориентационных механизмов, идущих не от сознания и рациональных оснований общественной жизни, а от природных импульсов, руководящих действиями человека как биологической особи. Эти условия не могли не породить соответствующих концептуальных направлений. В первую очередь, это проявилось в утверждении органицизма (т. е. представления общества в качестве организма) как одного из методологических ключей при формировании социальных теорий. Органицизм был достаточно распространенной установкой теоретиков XIX в.: он присутствует и у Конта, и у Маркса, и у многих других.

В трудах Спенсера организмические взгляды приобрели методологическое значение (у многих социальных теоретиков и сегодня встречается представление общества как организма, но это — всего лишь аналогия, метафора). Органицизм Спенсера имел немало последователей. Так, в российской социологии на ее начальной стадии органицизм выступал как один из распространенных позитивистских подходов (П. Лилиенфельд, А. Стронин и др.). Представление о биологическом начале социальной жизни было популярно в среде русской интеллигенции (ср. высказывание в повести А. П. Чехова «Дуэль»: «Я — зоолог или социолог, что одно и то же»).

Но если некоторые из ориентированных на органицизм теорий общества довольно быстро ушли в тень, то другие оказались высокопродуктивными и оказали огромное влияние на общественную мысль. Таков социал-дарвинизм — теория социальной эволюции, основывающаяся на действии в обществе природных законов естественного отбора (Уолтер Беджот, Людвиг Гумплович, Густав Ратценхофер, Албион Смолл, Уильям Грем Самнер и др.). Историки социологии справедливо считают, что социал-дарвинизм — не столько школа, сколько одна из парадигм в социальной мысли второй половины XIX — начала XX в.

Идеи социал-дарвинизма обнаруживаются и в более поздних социальных теориях,

прежде всего в социобиологии, концепцию которой выдвинул Эдвард Уилсон, исходя из задачи закрепления нового подхода к синтезу наук о природе и обществе. Хотя дискуссия вокруг этой концепции активизировала интерес к междисциплинарным исследованиям (в частности в психологии), многие утверждения Уилсона не могли не встретить возражений (например, о морали как результате эволюционного отбора генетических качеств или патриотизме как следствии биологического механизма, связанного с защитой территории обитания). Последующее развитие социобиологии по пути закрепления биологического детерминизма оказалось непродуктивным, и в современной литературе биологизация социологии рассматривается как попытка, окончившаяся неудачей (оценки Д. Рихтера и др.).

В то же время в современной философии и социологии биопсихические особенности индивида все определеннее осмысливаются в тесной связи со сменой социально-структурных характеристик. В этой связи возникают основания для новой постановки вопроса о соотношении биологического и социального в многообразных проявлениях личности, общностей и общества как целого. Такова, в частности, позиция Теодора Адорно, которая состоит в признании перехода от классового общества в Марксовом смысле к массовому обществу, где действует все тот же экономически обусловленный классовый принцип, но социально-классовая группировка иная: класс буржуазии разделен на собственников крупных корпораций, с одной стороны, и средний класс (сейчас в основном не независимые предприниматели, а высокоспециализированные служащие крупных корпораций), который все более зависит от первых и по своему положению в стратифицированном обществе, а также и по образу жизни оказывается мало отличимым от рабочего класса, и оба они составляют «массовое общество». С учетом этих преобразований степень поляризации общества гораздо выше, чем раньше, классовое разделение продолжает усиливаться (Cook,

2001: 40). Из такого представления о массовом обществе следует важный вывод Адорно о том, что оно препятствует спонтанности, непосредственному человеческому общению, дружбе, социальной солидарности. Итогом становится ослабление Я, которое не готово к независимости, протесту и регрессирует в сторону примитивного нарциссизма. Собственно, эта позиция сформирована еще в середине XX в., и метафорическое обозначение массового общества как общества «безотцовщин» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Э. Фромм и др.) как раз и строилось на том, что теряющий экономическую независимость средний буржуа более не способен в новых поколениях воспитывать сильное и независимое Я. Такое ослабленное Я, с одной стороны, не готово к социальной солидарности, а с другой — легко поддается манипуляции. Люди в силу этого подчиняются лидеру, перенимают свойства толпы (в данной трактовке очевидна связь с теорией З. Фрейда и его анализом нарциссизма и переноса любви к себе на лидера как психологического механизма образования толпы). Адорно показывает, что нарциссизм поддерживается индустрией культуры: слушание музыки или сидение перед телевизором делают человека «человеком из толпы» (Ibid: 49–50).

Эта точка зрения противостоит позиции тех, кто связывает социальный прогресс с развитием рациональной коммуникации (Ю. Хабермас), гражданского общества и т. д. Она обращается к массовому, хотя и не всеобщему) изменению ориентационных механизмов, меняющих конфигурацию и функциональные свойства социальной структуры. Этот аспект концепции Адорно соотносим с биосоциологией.

К биосоциологии ведет и другой путь — от современных концепций социологии города, в которых сердцевину составляет энвайронментализм в его обновленных модификациях, отражающих новые социальные реальности. Специфика данного подхода состоит в том, что городская жизнь рассматривается не только как сосуществование людей, проживающих в городе: взаимодей-

ствуют многие компоненты городской среды, включая технические, технологические и биологические подсистемы, что необходимо учитывать в экологической политике города. Фактически в городе образуется техноприродное время-пространство, которое для исследования выдвигает некоторые новые темы и соответствующие им смыслы, придающие перспективы эволюции энвайронменталистскому движению перспективу и определяющие его понимание будущего (White, Welbert, 2006). Характерна в этом отношении позиция Э. Свингедува, который условия существования техноприроды в городе характеризует как «киборговый урбанизм» (Swyngedouw, 2006). Его общий посыл, строящийся как синтез идей исторического и географического материализма, политической экологии и энвайронментальной истории, уже показателен: методологические сращения необходимы для осмысления столь сложного по природе организма, каковым выступает современный город. Для этих же целей нужны метафоры в понятийном аппарате, и город-киборг — одна из них. В городе границы между естественным и искусственным, природным и техническим, социальным и культурным неопределенны и не видны. Потому метафора, традиционно использовавшаяся при анализе отношений «человек-машина», оказывается уместной и продуктивной: инфраструктура города делает неразрывной связь человеческого тела с системами его жизнеобеспечения. Таков, говорит Свингедув, современный дом, который становится комплексным продолжением человеческого тела, чем стирается противоречие между природой и культурой, органическим и неорганическим. Из этого следует, что само использование понятия «киборг» в отношении города (наряду с понятиями «метаболизм», «циркуляция», «гибридность») высвечивает комплексность урбанизационных процессов. В практическом ракурсе это означает политизацию соответствующих социальных проектов, обновляя энвайронменталистский политический проект социальной справедливости.

Еще один путь к биосоциологии видится в социологии тела, которая получила в последние два десятилетия определенное развитие. Вопрос о «возвращении проблематики тела в социологию» начал активно ставиться в 1990-е годы (Wainwright, Turner, 2006: 238). В исследованиях по социологии тела выявляются важные стороны социально-групповой организации и обособления стилей жизни, которые имеют место в ряде профессий и другой деятельности, где тело выступает в сложной комбинации свойств, которые С. Уэйнрайт и Б. С. Тернер представили в виде формулы на основе терминов Бурдьё: [(Габитус) (Капитал)] + Поле = Практика (Ibid: 240). Применяя ее к сопоставлению социальных миров балета и бокса, авторы демонстрируют, как особые требования к телу в этих областях деятельности обеспечиваются институциональными средствами (особые помещения и их оборудование для совершенствования тела, особый режим жизнедеятельности и т. п.), в итоге формируются человеческие тела с особыми свойствами. Но итог не только в производстве новой телесной формы — разделяются и приобретают специфику реализующие эти практики социальные миры.

Следует считать, что становление биосоциологии разворачивается в ситуации, которая благоприятствует внепарадигмальным сращениям теоретико-методологических подходов. Постпарадигмальные теории — относительно новое явление, и на него обращают внимание прежде всего применительно к исследованиям человека. По оценке Брюса М. Науфа, сегодняшняя антропология ушла от многообразия противоречивших друг другу теорий, среди которых викторианский эволюционизм и диффузионизм Ф. Боаса, функционализм Б. Малиновского, структурный функционализм А. Р. Рэдклиф-Брауна и структурализм К. Леви-Стросса, культурный материализм в стиле Марвина Харриса и символическая антропология Клифорда Гирца, культурный объективизм Маршала Сэлинса и анализ постколониальной практики Г. Обейзекера, понятие прак-

тики П. Бурдьё и генеалогия М. Фуко. Ныне сосуществование противоречивых теоретических представлений в антропологии сменяется временными теоретическими конструкциями, созданными для исследования конкретных тем (Knauf, 2006: 407–408), имеет место новое теоретическое комбинирование, результаты которого уже не могут осмысливаться как борьба между парадигмами.

Для формирующейся биосоциологии методологической доминантой исследования выступает тезаурусный подход. Концепция тезауруса как ориентационного комплекса, формирующегося в социальной повседневности, предопределяющего социальное поведение людей и лежащего в основании восприятия культурных констант, освоения ценностно-нормативной системы данного общества, а в своей развитой форме конструирования социокультурной реальности и «картины мира», каковая управляет поведением путем смыслового разделения «своего», «чужого» и «чуждого» (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2004, 2008), близка к другим субъектно-ориентированным теориям, но не сводится к ним. Она выявляет новые возможности интерпретации данных о различного рода социальных общностях в аспекте субъектной организации гуманитарного знания.

Биосоциология в междисциплинарном ключе формирует аргументы для критики трансгуманизма как идейного обоснования массовых действий по изменению природы человека и, как следствие, человеческих общностей, не отрицая продуктивности социального конструирования реальности как ментальной деятельности, особенно тесно связанной с инновационным потенциалом молодежи. Биосоциология молодежи как специальная область исследований затрагивает вопросы, актуализированных дискуссиями в научном сообществе о трансчеловеке, детях-«индиго», резком увеличении продолжительности жизни человека в результате применения нанотехнологий и т. п. и уже имеющими место практиками проектирова-

ния заданных телесных и интеллектуальных свойств ребенка. Эти исследования имеют целью спрогнозировать предстоящие изменения статуса-роли молодежи в обществе, меняющемся в своих важнейших характеристиках. Такие исследования начаты в 2011 г. в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Лит. Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 93–100; Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса; Cook, D. (2001) Adorno on mass societies // J. of social philosophy (Villanova). Vol. 32. № 1. P. 35–52; Кнаuf, В. М. (2006) Anthropology in the middle // Antropological theory. Vol. 6. № 4. P. 407–430; Swyngedouw, E. (2006) Circulations and metabolisms // Science as culture. (Lnd.) Vol. 19. № 2. P. 105–121; Wainwright, S., Turner, B. S. (2006) «Just crumbling to bits»? An exploration of the body, ageing, injury and career in classical ballet dancers // Sociology. (Lnd.) Vol. 40. № 2. P. 237–255; White, D., Welbert, C. (2006) Intro-

duction: Technonatural time-spaces // Science as culture. (Lnd.) Vol. 19. № 2. P. 95–104.

BIOSOCIOLOGY

Val. A. Lukov

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2004) Tezaurusnyi podkhod v gumanitarnykh naukakh // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 93–100.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) Tezaurusy : Sub»ekтнаia organizatsiia gumanitarnogo znaniia. M.

Cook, D. (2001) Adorno on mass societies // J. of social philosophy (Villanova). Vol. 32. № 1. P. 35–52.

Кнаuf, В. М. (2006) Anthropology in the middle // Antropological theory. Vol. 6. № 4. P. 407–430.

Swyngedouw, E. (2006) Circulations and metabolisms // Science as culture. (Lnd.) Vol. 19. № 2. P. 105–121.

Wainwright, S., Turner, B. S. (2006) «Just crumbling to bits»? An exploration of the body, ageing, injury and career in classical ballet dancers // Sociology. (Lnd.) Vol. 40. № 2. P. 237–255.

White, D., Welbert, C. (2006) Introduction: Technonatural time-spaces // Science as culture. (Lnd.) Vol. 19. № 2. P. 95–104.